

Наташа ДЕНИСОВА

Наташа Денисова родилась 19 апреля 1989 года в с. Чернобаевка Херсонской области. Окончила факультет журналистики КубГУ, автор четырех книг стихотворений. Финалистка фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест» (2016), лонглистер литературной премии «Лицей», победительница всероссийского конкурса действенной журналистики «Включите свет» (2017).

всегда отступала мгла

это твои ангелы провожали меня тогда до метро,
это они смотрели за мной, чтоб себя берегла.
и от взмахов их белым вышитого крыла
всегда отступала мгла.

это ты за мной по пятам входил
в каждый дом и в любой придел.
прорастали цветы из панельных льдин,
август звёздами сливовыми пел.

это ты глядел на меня тайком
каждый раз, когда видел терпко шумящий лес,
каждый раз, когда складывал в сердце своём
слова о том, что бог вокруг, здесь.

силки

как собака бежит, высунув язык от жажды,
как принцесса ветров летит с крыши мира – шуршат одежды,
как по ягодам терна ступает в летней ночи лиса,
как затем прорастет через тело ее винограда лоза –

сильно, медленно, невыразимо легко...
так звучит нежность твоей руки.

я никогда не ждала тебя,
но люди как звери – любят свои силки.

если погаснут на свете все языки,
и мы останемся, словно тысячи лет назад,
безголосыми у тёмной пучины моря –
я и тогда почувствую, как ты на меня смотришь,
жужжащей звёздной пылью прикасаешься
к воздуху, что был мной.

притворяться

свет в тебе говорит — иди!
мир вокруг говорит:
— стой! я стар, я видел,

как орды шли по твоему пути,
и никто из них не дошел.

я видел, как стенка разин песни свои запевал,
как море поля мертвого его принимало,
как матери рыдали у пахнувших черным цветом шпал,
как для войны этого было мало.

таких как ты, несломленных и живых,
о, сколько их ко мне приходило!
и каждый чем-то отличался от всех остальных —
другое сердце, другое тело.

но знаю я, это ты, мой предвечный бог,
стучишь, стучишь в мои космические глазницы.
ты создал меня сложным, как безъязыкий крик,
для того, чтобы в каждом из них повториться.

для того, чтобы приходить сюда вновь и вновь
робким мальчиком, белой птицей,
для того, чтобы превращать все вокруг в любовь.

для этого и дальше я готов притворяться.

тихая рыжая кошка

пока я ждала тебя в алой сентябрьской темноте,
мимо меня прошёл человек в зимней шапке,
хотя только осень.

другой человек ехал на машине
и сбил тихую рыжую кошку —
так бывает на свете каждую ночь.

люди плавали в море рыбами безъязыкими,
блестящими, как гирлянды,
затем вышли на берег,
отрастили для прикосновений к песку и скалам
неуклюжие полуплавники,
привыкли к цветам, к деревьям,
смотрели так друг на друга.

заговорили потом,
приникли один к одному,
и стали такими, какими мы видели их
в телесериалах,
в журналах глянцевого и в рекламе зубной пасты.

они создали себе блестящие машины, блестящие,
как та самая чешуя, что они оставили в море,
огромные машины, похожие на панцири черепахи,

и теперь осенними вечерами, зимними вечерами,
весенними вечерами, летними вечерами
они все время сбивают тихую рыжую кошку,
которая ничего не изобретала,
а просто гуляла по этому миру,
отдельному от машин и асфальта,
бетонных замков, стеклянных окон,
которая шла по своим кошачьим инстинктам туда,
где тепло и мягко,
и которая затем корчилась на дороге в агонии,
как будто бы движение – это крик,
как будто она никуда никогда не ходила,
а только всегда кричала,
и пока я бежала к кошке –
смерть бежала быстрее и прикоснулась к ней первой,
как другой человек,
который пришёл затем с целлофановым пакетом,
похожим на блестящую чешую,
которую мы оставили в море.

он забрал тихую рыжую кошку туда,
куда люди уносят все, что уничтожают,

пока я ждала тебя.

дайте нам нашего короля

дайте нам, дайте нашего короля,
мы поцелуем его хрустальные стопы.
из наших красных ракет выросли высокие тополя,
и двери в лимб то и дело хлопают.

на наших северных, наших южных
огромных улицах спят снега.
отцы не оставили нам оружия –
они сказали просто не лгать.

и так мы жили, как невиновные
в чечне и в смерти большой страны,
а вечерами слушали у изголовья
слова из чужих молитв.

и все настойчивей, все тревожней
были нездешние голоса.
а потом мы увидели, что король наш
молился сам.

законы робототехники

«примет ли меня отец?»),

– сквозь сон говорил сын.
«примет ли меня отец
оплёванным и босым?
гнущимся, как и все,
под тяжестью микросхем,
примет ли меня отец
никем?

я не добыл руды
человеческих алых душ.
если сейчас уйду –
простишь ли меня? простишь?

я не узнал закат –
смотрел на него,
как на гаснущее табло.
я приведением бродил мимо цветов эстакад,
и чувствовал, как сердце внутри жгло.

несовершенно так
тело, дарованное тобой
лучше мне больше рук,
лучше другой крой.

но отними вон то,
что не могу назвать.
словно бы звезды мне вшили
около рта,
чтобы все время тебя окликать».

золотое солнце

тихие слуги режима
по вечерам дрожим мы.

там, где в детском сне
над крышами мы летели,
сейчас мария продаёт своё тело

за крупицу любви, но нет ее.
коридорами, кабинетами
мы прильнули к рукам ее,
мы прильнули к глазам ее,
мы терзаем ее до зарева.

и найдём мы ее по запаху,
что всегда источает свет.

а марию зовут елабугой,
а марию зовут торжком,
и идёт она босиком

с тех пор, как мы сняли с нее черевички.
нам тошно, нам душно,
святая мария знает все наши нычки,
и травами прорастает,
куда бы мы ни сбежали.

мы жили бы, жили,
но только так души жалят,
как будто мы созданы для чего-то большего.

как будто мы стали камнями спящими
и золотое солнце наше не настоящее.

свияжск

наши дома построены в стране, которой не существует.
мы сотканы из ее воды, из ее земли.
и мотыльками падают в окна пули,
мы так сроднились с ними, мы в них вросли.

и самых хрупких оставил кто-то
в святой грязи в этих городах,
чтоб танцевали по околоткам
в резиновых сапогах,

чтоб пели, пели навзрыд, протяжно,
и корчились от теплоты и боли звенящих тел,
чтобы со станции «свияжск» каждый
на небо улетел.

радиосигнал

ливни лили в платья лилий,
превращались в деревья львов хребты.
однажды из всех земных и небесных линий
появляешься ты.

распахивали окна свои старушки,
век длился как вечер, как белый шум.
у ребёнка в утробе матери формировались уши.
однажды я имя твоё произношу.

есть человек, который думает, будто все мы
уже встречались так много раз.
и здесь, под солнцем из полиэтилена,
когда материя взорвалась,

и там, в неведомых перекрёстках,
звучащей пылью,
загнанным зверем и тем, кто его догнал.

маленьким принцем и его розой
цветущей сквозь радиосигнал.

тебя не существует

когда я до конца истаю,
стану алыми, пахнущими землей цветами,
голосом своим в телефонной трубке,
ангелом промзон, танцующим в нижней юбке –
боже мой, да кем бы я там ни стала –
все живое во мне залатают лязгающими фанерными листами,
как на станции «заречной» плитами, похожими на течение,
спрячут от тебя мое трепетное молчание.

но ты слушай его как молитву самую искреннюю.
я всю жизнь ступала по земле, словно сейчас кто выстрелит,
я готова, как и ты, была умереть за любовь святую.
помни это, когда я говорю о том,
что тебя не существует.

март и мы

едет скорая. раны всковырнем,
весенние раны наши.
их оставила ты любовью своей, наташа,
беспощадной, звериной, тонкой,
оголтелой любовью своей,
похожую на глаза ребёнка,
забытого в супермаркете.

и остались здесь только март и мы
под моргающим фонарем.
мы любимы и мы никогда не умрем,
мы любимы и мы никогда не умрем.

дикие ягоды

мое поколение тех, кто говорит –
это маленькие дети, набравшие в рот йод
девяностых годов двадцатого века,
это те, кого отучали плакать
в драках за гаражами,
те, кого одни били, а другие держали.

любующиеся бельём, развешанным тётей жанной,
белым бельём матери, которая уезжает,
трепетные птицы, которых не спас иисус.

из всех кинофильмов гнусавым голосом

богини твердили «вернись, вернись»,
и оставляли в пространстве текстов,
сотканых наизусть.

мое поколение тех, кто говорит –
это пьяные мальчики, танцующие под бит,
святые мальчики, которые никогда не врут –
«живи не по лжи, брат».

а это значит да будет свет.
а это значит мы скажем все.

вот эти реченьки разнесут,
из наших тонких блузок вытащат,
словно солнца
мое и твоё алюминиевое сердце,
похожее на ложечки из столовой.

когда мы любили – вы не были к нам готовы,
когда мы любили – вы не были к нам готовы.

и мы никогда не кричали «авве»
тому человеку, что вами правит.

мое поколение – поколение равных.

мы так прекрасны в телах рваных,
глядим на вас из своих стихов.
мы сохранили в себе тех, кто всегда был прав.

пускай же ныне дела ваши дёргают за рукав,
как дети, требующие внимания.

мы вас не раним, мы вас не раним.
но это текст, из которого не вернуться.
и на фарфоровых хрупких блюдцах
мы принесли дикие ягоды революций.

седьмая печать

*моя родина — моя любовь, и в каждом окне
солдаты трущоб улыбаются мне*

дмитрий кузнецов

это мы, прочитавшие инструкции
о безопасности в полёте,
насмотревшиеся взглядом кротким
на свою страну.
мы не ели хлеб чужой –
молчали, сглатывали слюну,
в нас течёт ее молоко, ее вода.

и когда вы коршунами впивались
в тело ее городов
– мы видели.

балерины танцевали на бесконечном видео,
августовские звёзды летели на тротуары.

это неправда, что смелый первым всегда ударит,
смелость в том, чтобы знать правду и не молчать.

ландышевый бог заводских окраин
срывает седьмую печать,
а за нею вы – трусливые и одинокие.
вы закроете нам рты –
мы станем ветром под вашими окнами,

потому, что наша любовь сильнеей.
и затем ещё, что камни всех площадей
помнят жар от босых ступней
наших прадедов.

нарисованный мелом полковник

широка страна моя чужая,
аккуратно здесь флаги сложили.
собирают свои пожитки
вороньи ангелы по углам.

на бетонном стоит балконе
нарисованный мелом полковник.
он не помнит уже, не помнит,
для кого он надел погоны,
для кого засыпал в зимнем поле,
и меж ребер его полых
для чего прорастала она.

а как только в ладоши хлопнут –
превратится он в тёплый хлопок,
хрупкий хлопок скатерти тонкой,
из которой пошили нас.

сберегли мы эти молитвы
в подворотнях и в клетках тел,
прорастает из ткани рытвин
тоненький чистотел.

и с небес – не уgomонится –
сыплет-сыплет январский шум.
это минин плывет в столицу
с распятием на весу.

это он светлоликим зверем
вгрызается в мерзлую твердь,
потому, что никто не верит,
здесь больше никто не верит,
что человек есть смерть.

забыл нас снова

куда от тебя пойду я, в какие дали?
что в мире есть такого,
что я в тебе не видала?
солдаты страны моей выстроились рядами:
вот сталинки, хрущевки, и на свидание
панельные дома бежали к ним,
так бежали к ним.

привычно берут, как каски, железный нимб
братья мои фарфоровые.
живые такие, всегда делившие поровну
хлеб своей радости, хлеб своего горя.

и где бы я ни была – они хотят от меня веры
в то что над всем на свете пылает север,
в то, что однажды мы победим сумрак,
в доспехи превратив крупяные сумки.

ирга цветет, поет в предвечерней сутолоке.
а мы живем всё, такие хрупкие,
вблизи заводов и комбинатов,
как будто кто-то забыл нас летом
две тысячи первого, две тысячи второго.
забыл нас снова.